

ИСТОРИЯ, СУДЬБЫ, МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

«В последнее время, — как говорил Е. Линд, — появились такие «истинокопатели», которые готовы переписать всю историю, готовы заменить одну полуправду другой полуправдой». О Шостаковиче и раньше ходило много легенд — например, о том, как в ответ на предложение «быть третьим» он ответил: «Я люблю быть первым», выпил стакан водки и, расплатившись, ушел. Но то были неофициальные «сказания». Ныне же пытаются творить чуть ли не официальный миф о Шостаковиче-борце со сталинизмом.

Так же и Седьмую симфонию сопровождает множество легенд и небылиц: то ее объявляют «ленинской», то чуть ли не «анти-сталинской». О замысле, времени создания, судьбе «Ленинградской симфонии» — беседа с Манаширом Якубовым. М. Якубов — член Общества DSCN в Лондоне и Общества Шостаковича в Японии, автора более чем 100 работ о композиторе, опубликованных во многих странах, автор предисловий к 25-ти томам полного собрания сочинений Шостаковича. В течение многих лет работает в архиве семьи Шостаковича. Им подготовлен к изданию «Антиформалистический раек» и другие сочинения.

— 50 лет назад состоялась премьера Седьмой симфонии. Тогда она воспринималась — однозначно — как образцовое социализма, как ярчайший акт духовного сопротивления фашистскому нашествию. Сегодня появляются совсем иные толкования. Говорят (пишут), что композитор задумал и сочинил симфонию еще до войны, что, следовательно, никакого отношения к нашей борьбе с фашистским нашествием она не имеет, и что он только записал ее, доверил, так сказать, нотной бумаге, после начала войны, что это симфония, не «анти-гитлеровская», а «анти-сталинская». Что вы можете сказать об этом?

— Здесь не один, а по крайней мере два вопроса. Первый — о времени написания симфонии. Шостакович имел привычку, очень устойчивую, ставить на своих рукописях, даже на черновых эскизах, точную дату. Самый ранний из набросков первой части Седьмой симфонии датирован 19 июля 1941 года. «Последняя точка» в чистовой партитуре поставлена 27 декабря. Правда, С. Хентов пишет о каком-то «первом листке», на котором якобы стоит несколько более ранняя дата: 15 июля. Мне этот листок не известен, и я не уверен, что он существует в природе. Но для нашего сюжета сие не существенно. На последней странице автографа четко выписано и место завершения работы: «Куйбышев». Так что здесь все абсолютно ясно, однозначно и неопровержимо.

Другой вопрос — когда была задумана симфония и когда она внутренне сложилась, созрела в сознании ее создателя, — конечно, сложнее. Здесь, кажется, документально доказывать истину потруднее, и есть место для домыслов. — Но ведь есть высказывания самого композитора о работе над Седьмой симфонией в предвоенные годы. И вот С. Хентов на последней странице первого тома своей монографии о Шостаковиче прямо пишет: «Возвратившись в Ленинград ровно за месяц до войны, он сразу включился в занятия с учениками и принялся за очередную симфонию»?

— На этой же странице она сообщает читателю, что Четвертая симфония написана в 1935 году. Но Четвертая была закончена лишь в мае 1936. И на той же странице сказано, что Седьмая «родилась в первое военное лето 1941 года». Это — тоже крайне приблизительно, — точные сроки я уже назвал. Ну, а если автор позволяет себе такую свободу в датах, чего уж требовать от остального текста...

А что конкретно сообщал Шостакович прессе? После премьеры Пятой он сообщил в 1938 году, что замысел следующей, Шестой симфонии связан с образом Ленина. После появления Шестой, в которой усмотреть что-либо ленинское трудновато, композитор объявил, что Ленину будет посвящена следующая, Седьмая. И так с 1938 до весны 1941 он многократно оповещал общественность о сочинении, посвященном «гениальному вождю трудящегося человечества». И каждый раз откладывая предполагаемые сроки выполнения работы, он сообщал новые сведения о замысле, порой противоречивые и даже взаимоисключающие. Там шла речь о симфонии с хором, солистами и тещем — на тексты то Маяковского, то Сулеймана Стальского, Джамбула, то на тексты народных песен. Сопоставление этих высказываний (а их было действительно много, по 4-5 раз на год) создает впечатление, что не только готовой симфонии «в голове», но и сколько-нибудь ясного ее замысла у композитора так и не было. Не клеилось дело с симфонией о Ленине... Абсолютно никаких следов этой Седьмой (то есть следующей после Шестой) симфонии в архивах не обнаружено. Это я могу утверждать уверенно. Нет никаких свидетельств хотя бы о набросках, эскизах, начальных вариантах такой симфонии и в мемуарах современников, документах тех лет, словом — нигде...

— Но Седьмая симфония Шостаковича была анонсирована в абонементе Ленфила 1941/42 гг. Неужели это было сделано без согласования с композитором? Значит, что-то все же было?

— Нет, не значит. Там не было сказано, что это будет «ленинская» симфония. Просто очередная новая симфония Шостаковича. После Пятой — Шестая, после Шестой — естественно, Седьмая и так далее. А анонс просто позволял «застолбить» место в абонементном концерте...

— Известно, что Шостакович всегда долго обдумывал свои крупные вещи, а записывал быстро. Не объясняется ли поразительная быстрота сочинения Седьмой тем, что она все-таки была задумана и обдумана до войны?

Д. Шостакович

— Да, Шостакович и сам так говаривал, примерно: «Я думаю долго, а пишу быстро». Однако творческая история его сочинений далеко не всегда подтверждает это. Известно, например, как долго и мучительно шло сочинение Десятой симфонии. Медленно, в течение десяти месяцев создавался Пятый квартет и почти год заняла работа над миниатюрным Седьмым. Таких примеров не мало. И Седьмая симфония тоже плохо укладывается в эту схему «думаю долго, пишу быстро». После действительно очень быстрого сочинения первых трех частей к 29 сентября работа застопорилась. И возобновилась лишь в середине декабря.

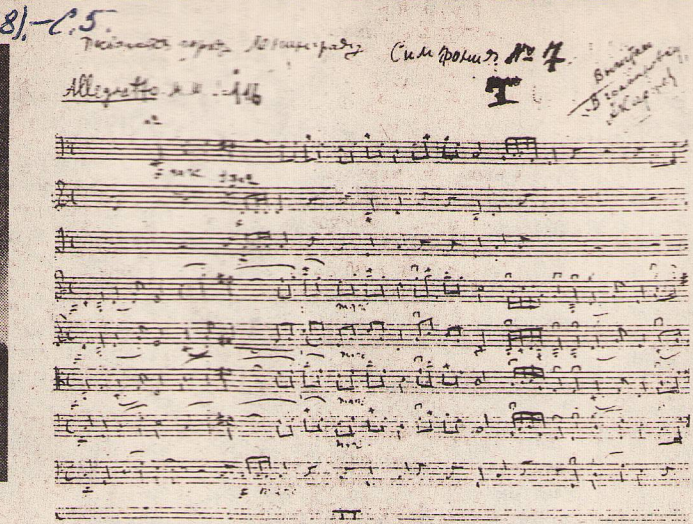
Известно также, что первоначально Шостакович писал Седьмую (военную) симфонию как хоровое сочинение на текст Псалмов Давида. Об этом писали и Хентов, и Волков. Это засвидетельствовано разными мемуаристами, независимо друг от друга. Но о какой тогда «ленинской» симфонии здесь может идти речь?

Тем не менее, Хентов ничтоже сумняшеся утверждает, что в работе над симфонией «сразу сказались довоенные подходы» выработанные, якобы при сочинении симфонии о Ленине. «От той Седьмой симфонии новую, военную Седьмую, — пишет он — не отделяла резкая грань». Откуда это видно? И дальше: «В сознании жил образ В.И. Ленина, тема Родины в новой симфонии была и темой веры в коммунистические идеалы, любви к Ленину». Все это, я думаю, нет нужды комментировать.

Есть, наконец, еще одно свидетельство — самого композитора, показывающее, что «сложившейся» симфонии накануне войны не существовало (или если таковая — с Джамбулом и прочим — была, то никакого отношения к Седьмой «Ленинградской» она не имеет). Рассказывая об истории ее создания, Шостакович не раз говорил, что первоначально задумал ее как одночастное сочинение: «думал задуматься в одну часть, но постепенно замысел разросся». Важно добавить, что об одночастном замысле Седьмой Шостакович последний раз рассказывал в 1973 году.

Что же касается содержания и смысла симфонии, то тут — при желании — простор для домыслов побольше. Особенно если пренебречь двумя незначительными вещами. Во-первых, — самой музыкой. И, во-вторых, — многочисленными предельно однозначными высказываниями автора. Сейчас, в условиях переосмысления прошлого и переоценки ценностей, для этого очень подходящий момент. Старое отвергнуто. Люди хотят чего-нибудь новенького. По пути к вам в редакцию я видел в киоске брошюру «Мартин Борман — агент КГБ». А газеты сообщают, что Мэрилин Монро тоже была агентом КГБ и по совместительству любовницей Хрущева и даже называют точное число их свиданий. Видимо, чем нелепее измышления, тем больше у них шансов на успех у «публики», среди людей малосведущих или просто невежественных. А ведь в любом вопросе знающих, специалистов — меньшинство, а профанов — большинство. И «гласность» позволяет публиковать что угодно. Вот печально известный музыкальный деятель Л. Лебединский написал, а «Новый мир», в редакции которого, вероятно, ни один человек не отличает скрипичный ключ от виолончельного, напечатал что в Одиннадцатой симфонии Шостакович хотел опровергнуть марксизм-ленинизм. Лебединский — матерый конъюнктурщик. В 1930 году он представлял свой журнал «Пролетарский музыкант» для травли Шостаковича. В 1960 — в своей книжке об Одиннадцатой симфонии — причисляет ее к вершинам социализма. А теперь делает из Шостаковича антиленинца. Конечно, это глупость. И печально, что «Новый мир», видимо, не от хорошей жизни дошел до таких публикаций. Но звучит эффектно — и дуракам нравится.

Соломон Волков вкладывает в уста Шостаковича следующий текст (здесь необходимо оговориться, что я цитирую его по статье Д. Житомирского в «Даугаве», так как русского издания не существует): «У меня нет никаких возражений против того что Седьмую называют «Ленинградской» симфонией. Но в ней речь не идет о блокаде. Речь идет о Ленинграде, который Сталин приговорил к гибели (...)» Допустим, что Шостакович действительно это говорил. Волкову было важно, чтоб симфония была не анти-гитлеровская, а анти-сталинская, не антифашистская,

К. Элиасберг

а антисоветская. Но объясните мне, как в музыке можно отличить «блокадный Ленинград» от «Сталиным преданного Ленинграда»? Простите за каламбур, но, право, не нужно быть Соломоном, чтобы увидеть, что вас просто водят за нос.

— Мы говорили в основном об истории создания и о замысле симфонии. Но ее концертная жизнь тоже имеет свою историю. Уже при своем появлении она стала мифом и этот миф живет до сих пор, хотя прошло полвека. Почему симфония, написанная как отклик на конкретные события, давно отошедшие в прошлое, продолжает и сегодня волновать слушателей во всем мире? Каково ее значение сегодня?

— Седьмая симфония — не только самая знаменитая симфония Шостаковича. Это, быть может, вообще самое знаменитое музыкальное произведение столетия. Более того, никогда в истории нашего искусства симфоническое сочинение не занимало такого места в сознании и судьбах человечества. Ее появление, исполнение в Куйбышеве, Москве, осажденном Ленинграде, в США, где ее транслировали 134 радиостанции США и 99 радиостанций Латинской Америки и таким образом одновременно слушали десятки, может быть, сотни миллионов, — все это не знало прецедентов. Общепризнанно, что симфония способствовала объединению антифашистских сил, сплочению антигитлеровской коалиции. Для оценки явлений такого масштаба нужен взгляд не музыковеда, а какой-то более широкий историко-культурологический или культурно-философский подход.

Шостакович своим творчеством, прежде всего именно Седьмой симфонией изменил социальный статус музыки. Она оказалась способной влиять на ход глобального исторического развития!

Возможно ли было такое за 100, за 150 лет до того, во времена Моцарта, Бетховена, Чайковского, Брамса? Ясно, что нет. И казалось бы, к этому Шостакович не имеет никакого отношения: просто изменилась коммуникативность в мире. Мы живем в информационном обществе. Еще в 60-е годы Кеннеди сказал, что мир стал большой деревней. Несчастье, которое случилось где-нибудь в деревне в Новой Зеландии, мгновенно, в этот же день становится известно всему миру. И в музыкальной культуре XX века мы являемся свидетелями очень большой интернационализации. Мы можем быть даже не вполне это осознаем. Вот, скажем, «Битлз» — сугубо английская группа — которую нельзя оторвать от массы реалий именно английской жизни 60-х годов, это искусство, тоже очень связанное с конкретными реалиями — политическими, социальными и т.д. Тем не менее сегодня это уже, планетарное явление музыки XX века, а не только Англии. Еще предстоит, я думаю, понять, какую колоссальную роль творчество этой группы сыграло в распространении английского языка. И в этом смысле, как это ни парадоксально может прозвучать, но «Битлз» — это какие-то внуки или правнуки Седьмой симфонии Шостаковича. Именно при появлении Седьмой симфонии Шостаковича музыкальное произведение впервые стало достоянием музыкальной публики всего мира, а не одной страны. Но для того, чтобы тогда этого достичь, надо было обладать колоссальной пробойной силой. Нужен был гигантский заряд и художественный, и общесоциальный. Вот таким зарядом была война, борьба с фашизмом и равнозначный по силе художественный отклик советского композитора. В этом мне видится историческая разгадка феномена Седьмой симфонии. Но есть крылатая формула Пастернака: истинный художник — заложник вечности у времени только в плену. Драма художника заключается в том, что он творит и умирает. А трагедия искусства заключается в том, что оно рождается в плену времени, а потом вновь и вновь возрождается, и обретает новые смыслы, порой совершенно независимые от тех конкретных импульсов, которыми оно рождено. Я вспоминаю свое детство, тот же 42 год. Я помню, что по радио очень часто передавали марш Олоферна из оперы Серова «Юдифь». Причем, его передавали в программах патристической симфонической музыки. Но Олоферн — это громила, насильник, головорез. Однако в марше это не отражено, естественно. Это просто очень яркая, мощная музыка, которая способна

рождать позитивные эмоции, как-то воодушевлять, организовывать, а мы тогда очень нуждались в таком искусстве.

Но всякого рода политически идеологизированная музыка оказывается способной быть идеологизированной или идеологизированной в прямо противоположном направлении. И содержание подлинного искусства несравненно шире тех конкретных событий, которыми оно вызвано или которые запечатлены в либретто, литературном тексте, программе и т.д. Иначе с исчезновением актуальности того или иного текста музыка тоже теряла бы для нас интерес. Этого, к счастью, не происходит.

Но происходит изменение восприятия и оценки симфонии в сознании слушателей. Это возможно только в отношении подлинно художественных, семантически многозначных произведений и Седьмая симфония, несомненно, такова. Привязывать ее только к войне и борьбе с немецким фашизмом — значит обеднять ее. Но приклеивать ей ярлык антисоветской или антисталинской по рецептам Волкова и Лебединского, — разве не то же самое? Величие Шостаковича в том, что, будучи художником вовлеченным в пекло политики, живя в условиях едва ли не самого политизированного тоталитарного режима, он смог возвыситься до искусства общезначимого. Он был в схватке и одновременно стоял над схваткой. Для него это было мучительным испытанием, для искусства — благословением. Седьмая симфония — это отклик на борьбу советского народа с фашистским нашествием, но одновременно — это симфония о противостоянии всякому насилью извне, всякому вне-лежащему злу. И это очень выделяет ее в творчестве Шостаковича. В других сочинениях он глубоко исследовал тему более актуальную сегодня или завтра — тему борьбы со злом внутри себя, тему внутреннего противоборства, перерождения, взаимопревращения добра и зла.

Идея противоборства двух начал — вечная идея искусства. Добро и зло. Мрак и свет. Жизнь и смерть. Смерть, естественная смерть — это зло с одной стороны неизбежное, а с другой стороны, именно в силу своей естественности, — зло, с которым человек готов примириться, хотя бы потому, что не мириться с ним бессмысленно. Но массовое насильственное уничтожение людей — это есть нечто противоестественное. Этого нет в природе, внутри общностей живых существ. Это только человек оказался способным к истреблению себе подобных, потенциально полному самоистреблению. Страх перед физическим уничтожением стал важной доминантой сознания человечества в XX веке. Страх не перед природой, а перед человеком. Перед самим собой! И этот страх, подавленность, неуверенность Шостакович уловил очень давно. Он раньше других почувствовал нестабильность мира, его ненадежность. И как никто другой, очень совершенно сумел воплотить идею борьбы со злом, как идею борьбы не только с чем-то внешне лежащим, ну, скажем, там, с фатумом, с роком, а как идею борьбы со злом, лежащим в самом себе. У него очень много тем, оборотней, у него, как ни у кого другого, происходит мгновенное изменение, превращение веселого, смешного в страшное, прекрасного — в безобразное. Причем, эта неуловимая изменчивость есть и в лирике. Например в его квартетах облик тем непрерывно меняется как какая-то амальгама на поверхности воды. Так и в жизни стало трудно понять какой ты человек — хороший, добрый или страшный. Мы сегодня видим, как массовым явлением становятся насильники, которые совращают и убивают маленьких детей. Ведь он подходит к ребенку с лаской, с улыбкой, с конфеткой, говорит: хочешь я тебя покатаю на машине, поведу в цирк. И вот эта ласка, это добро, обращенное к самому светлому и наивному, к предельно незащищенному, оборачивается чудовищно страшным. Может быть, это одна из тех сторон, которые делают музыку Шостаковича такой актуальной в наши дни.

В этом смысле, повторю, Седьмая стоит несколько особняком. Она традиционнее по пониманию этой вечной проблемы искусства и человеческого бытия, но раскрывает ее на совершенно новом материале и с огромной художественной силой.

Редакция благодарит Манашира Якубова и Виктора Козлова за помощь в подготовке, редактировании и оформлении этих полос.